

УДК 82.03; 82:81"255.2

ЛИРИКА РОБЕРТА БЁРНСА В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДАХ: ИЗ ОПЫТА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЭТИКИ

© Ринат Бекметов

THE LYRICS OF ROBERT BURNS IN RUSSIAN AND TATAR TRANSLATIONS: FROM COMPARATIVE POETICS PRACTICES

Rinat Bekmetov

The article represents the result of a certain comparative study. It analyses translations of lyrics by the famous Scottish poet, R. Burns (1759–1796), into the Russian and Tatar languages, and notes the presence of such an established phenomenon as “the Russian Burns”. We also reveal the stages of its development from the early 19th century to the present day. The article emphasizes the contributions of S. Ya. Marshak to the formation of “the Russian Burns” image and considers the Tatar version of understanding Burns’s poetry. It is argued that, in contrast to the “Russian Burns”, the “Tatar Burns” is more a prospect than a reality, which does not exclude the need to study the existing Tatar material in a comparative way, despite the fact that it is quantitatively small. The article discusses the technique of translation, noting that the Tatar translation of R. Burns was based on the Russian translation made by S. Ya. Marshak. It set quite a high standard of translation in the situation when the Tatar writers, apparently, did not have any previous experience of the systematic study of the Scottish bard’s works. The article notes that Tatar translators used the technique of “concise translation”. The article also mentions the fact that the translators, interested in the legacy of R. Burns, were representatives of the former USSR peoples.

Keywords: R. Burns, lyrics, translation into Russian, translation into Tatar, comparative poetics, text.

Статья представляет собой результат конкретного компаративного исследования. В ней дан анализ русских и татарских переводов лирики Роберта Бёрнса (1759–1796), знаменитого шотландского поэта. Автор констатирует наличие такого сложившегося феномена, как «русский Бёрнс». Раскрываются этапы его становления от начала XIX века вплоть до сегодняшнего дня; подчеркнут вклад С. Я. Маршака. Рассматривается татарский вариант понимания бёрнсовской поэзии. Утверждается, что, в отличие от русского, «татарский Бёрнс» – скорее перспектива, чем реальность, что не исключает необходимости изучения в сравнительном свете имеющегося, пусть и чрезвычайно скромного по количественному параметру, татарского переводного материала. Обсуждается техника переводческого мастерства. Говорится, в частности, о том, что татарский перевод Р. Бёрнса производился с русского, маршаковского, и что тем самым была задана высокая планка переводов в ситуации, когда у татарских писателей, по-видимому, отсутствовал опыт систематического обращения к произведениям шотландского барда (вопрос остается открытым). Замечен тот факт, что татарский переводчик использует приемы «конспективного перевода». Упомянуто и то, что к наследию Р. Бёрнса проявляли интерес переводчики – представители народов бывшего СССР.

Ключевые слова: Р. Бёрнс, лирика, русский перевод, татарский перевод, сравнительная поэтика, текст.

Р. Бёрнс, шотландский поэт XVIII века, давно в России стал «своим». После Шотландии именно Россия – его вторая, духовная родина, и это не идеологический миф советской эпохи. Даже в Англии о Р. Бёрнсе знают не все. Дело не только в заметной разнице двух языков, английского и гэльского; Р. Бёрнс писал и на родном языке, и по-английски. Рядовой английский читатель предпочитает о Р. Бёрнсе ничего не знать, ибо по его меркам, как отмечает Е. В. Витковский, «в Лондоне... найдется десяток стихотворцев более

талантливых» [Бёрнс, 2000, с. 6]. В самой Шотландии, как симметричный ответ, внимание к национальному поэту превышает мыслимый интерес к Д. Мильтону, У. Шекспиру и лирикам «озерной школы», притом, что все они, казалось бы, с успехом преодолели границы этнической самобытности, выйдя на уровень мировой художественности и задав в ней новую высоту, на которую равнялись и равняются до сих пор писатели разных направлений. День рождения Р. Бёрнса, 25 января, отмечается как праздник (см. впе-

чатление о том, как он проходит в Шотландии: [Елистратова, с. 3–6]). России в этом отношении повезло. Она была удалена от всех сложностей англо-шотландского культурного диалога и, впитывая, как губка, чужое слово, занималась лишь тем, что «ассимилировала» его, делала это слово понятным для себя. Вполне справедливо задаться вопросом: а много ли мы в мире встретим стран, где бы иноязычная поэзия в переводах воспринималась почти как продолжение собственной? Конечно, никто не будет спорить с тем, что в Западной Европе перевод практикуется широко, с профессиональным вкусом; ценитель Ф. М. Достоевского на книжных развалах Лондона или Парижа найдет не один перевод «Братьев Карамазовых», а, как правило, несколько. Переводческая множественность – излюбленная тема европейской гуманитаристики; поэтические переводы там – явление достаточно частое, их возникновение стимулируется отменой рифмы и едва ли не повсеместным внедрением удобного верлибра (мы же в таком плане более консервативны, рифма у нас еще стиховая опора, хотя подражательно верлибр используется). И все же Ф. М. Достоевский, оказав существенное влияние на новейшую европейскую литературу, не превратился в «своего»; он сохранил качество экзотичности, некоторой отстраненности, и не случайно А. Щербенек, ссылаясь на работы видных американских славистов, подчеркивает, что «на фоне западных литератур русская литература традиционно воспринимается как литература аномальная» [Щербенек, с. 7]. Ф. М. Достоевский или Л. Н. Толстой для них «аномальны», чего нельзя сказать о Р. Бёрнсе для нас. Он без преувеличения воплощает собой грань «всемирной отзывчивости», мы узнаем в поэте далекой и суровой Шотландии, как в зеркале, самих себя.

Свидетельство тонкой и устойчивой рецепции Р. Бёрнса – история переводов его произведений в России.

Первые переводы из Р. Бёрнса на русский язык появились в начале XIX века – достаточно оперативно по тем временам. Так, спустя четыре года после смерти поэта, в 1800 году, в московском журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» публикуется прозаический перевод стихотворения Р. Бёрнса «В честь Томсона». С. А. Орлов, досконально изучавший проблему русских переводов Р. Бёрнса, пишет о том, что творческое переложение в прозе «не отражает подлинного содержания поэзии Бёрнса и что появление этого ... стихотворения ... следует объяснить лишь большой популярностью в России конца XVIII века Дж. Томсона, в честь которого оно

написано» [Орлов, 1939, с. 230] (см. также сноску № 3 на с. 229).

Через тридцать лет лирик И. И. Козлов перевел два стихотворения Р. Бёрнса: «Сельский субботний вечер в Шотландии» и «К полевой маргаритке, которую Роберт Бёрнс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786 года». Критика отнеслась к переводам с огромным и неподдельным интересом, не лишенным вместе с тем здравого аналитизма. Устами Н. А. Полевого она, с одной стороны, признавала несомненное первенство И. И. Козлова в том, что тот открыл русской публике «сего замечательного поэта» (цит. по: [Орлов, 1939, с. 230]), а с другой – сетовала на слишком вольное обращение переводчика с английским оригиналом. И действительно, читая переводы Козлова, трудно отделаться от мысли, что они не «тенденциозны»; они чрезвычайно однобоки, ибо рисуют мир Р. Бёрнса в сентиментальном духе – так, как если бы тексты переводил В. А. Жуковский (И. И. Козлов и был близок к его литературной школе, будучи романтиком, он все же разделял некоторые базовые убеждения «певца Светланы»). Тем не менее заслуга переводов И. И. Козлова заключается в том, что они сделали имя Р. Бёрнса известным. В 1820–1830-е гг. о Р. Бёрнсе начинают писать, его обсуждают в обзорных статьях по английской словесности (в 1821 году О. Е. Срезневский в «Опыте краткой пиитики» указывал на необходимость учитывать Р. Бёрнса в характеристиках современной ему английской поэзии; и, хотя заметка преподавателя петербургского артиллерийского училища основывалась на французском материале, нельзя не отметить той важной роли, которую сыграла она в освещении бёрнсовской темы). Иногда разборы сопровождалась целостной биографической справкой и, что любопытно, библиографическим приложением; формировалась также «норма» написания фамилии – пока не «Бёрнс», а искаженно: «Бюрнс», или «Бэрнс», или «Борнс» (эта форма употреблялась дольше [Бёрнс, 1982, с. 536]), даже «Борни», часто имя поэта записывалось как «Рюберт».

Есть основание полагать, что Р. Бёрнса читал А. С. Пушкин. В его личной «библиотеке сохранилось двухтомное издание шотландского поэта» [Там же, с. 540]. В 1837 году в журнале «Библиотека для чтения» вышла обширная статья, принадлежащая, судя по всему, О. И. Сенковскому¹, в которой давался полный перевод

¹ О том, что труд принадлежит именно О. И. Сенковскому, редактору «Библиотеки для чтения», писал С. А. Орлов в конце 1930-х годов. В начале 1980-х го-

баллады Р. Бёрнса «Джон Ячменное Зерно»; в русифицированном виде она звучало иначе: «Иван Ерофеич Хлебное Зернышко». Примерно в те же годы небольшой отрывок из «Прощальной песни к Кларинде» Р. Бёрнса перевел М. Ю. Лермонтов. Как уже было показано [Бахтин], М. Ю. Лермонтов о Р. Бёрнсе не знал; отрывок в четыре строки представляет собой перевод эпиграфа из Р. Бёрнса, включенный Дж. Байроном в поэму «Абидосская невеста». Перевод был неточным: в первой строке – «Had we never loved sae kindly» – английское *kindly* ('добродушный', 'нежный', 'ласковый') было истолковано в качестве немецкого *kind* ('дитя', 'ребенок'), и только благодаря ассоциативной близости этих понятий перевод не приобрел черт радикального смыслового искажения; ср. букв. пер.: «Никогда не любили мы столь нежно» и у М. Ю. Лермонтова: «Если б мы не дети были». Тогда же стали распространяться шаблонные переводы из Р. Бёрнса, выполненные П. А. Драгомановым и М. А. Демидовым.

В 1860-е гг. Р. Бёрнс – объект изучения М. Л. Михайлова и В. С. Курочкина. В Р. Бёрнсе они видят «крестьянского поэта», выразителя демократических ценностей. Количественно их переводы из Р. Бёрнса невелики, но все стихо-

дов этот факт был скорректирован Ю. Д. Левиным, который, не исключая того, что русский текст готовился О. И. Сенковским, **объяснял** его зависимость от французского источника, а именно от очерка Леона де Вайи, переводчика Р. Бёрнса на французский язык; очерк был опубликован в одном из парижских литературных журналов, а затем с изменениями, как предисловие, вошел в сборник переводов из Р. Бёрнса, увидевший свет в Париже в 1843 году (см.: [Бёрнс, 1982, с. 542 и след.]). Справедливости ради надо сказать, что С. А. Орлов не настаивал на авторстве О. И. Сенковского. Он предполагал, высказывался с определенной долей уверенности, ср.: «по-видимому О. И. Сенковский» (курсив мой. – Р. Б.) [Орлов, 1939, с. 232]. В этой связи мы обязаны сказать, что статья С. А. Орлова, несмотря на давность лет, остается образцом добротной научно-творческой работы. Она отличается полнотой источниковедческого анализа, объективной позицией (насколько ее удавалось отстоять в условиях господства советской «социологической поэтики»), в ней отражается изысканный эстетический вкус автора. Статья содержит подробную библиографию переводов Р. Бёрнса, а также переводы, выполненные самим С. А. Орловым по экспериментальным соображениям («новые повторные опыты перевода классических произведений западноевропейской поэзии никогда не являются лишними, поскольку они всегда дают ... более или менее удачное приближение к подлиннику, но никогда не смогут заменить его в полной мере» [Там же, с. 246]; лучше не скажешь!).

творения – программного характера. В конце 1850-х годов Р. Бёрнсом заинтересовались Н. А. Некрасов и И. С. Тургенев. Последний хотел написать статью о Р. Бёрнсе и А. Кольцове, она была анонсирована журналом «Русское слово» за 1860 год, но в последний момент обстоятельства изменились, и И. С. Тургенев отказался от замысла. Считается, что этому способствовали ядовитые высказывания Н. Добролюбова в адрес И. С. Тургенева. По сути, И. С. Тургенев пытался изложить свой взгляд на природу поэтической народности в компаративном свете, и если бы он сумел это сделать, то мы, вполне возможно, получили бы первое раннее исследование такой темы с «участием» Р. Бёрнса. Известно, кроме того, что к И. С. Тургеневу обращался за помощью Н. А. Некрасов: он собирался перевести из Р. Бёрнса и, не владея английским, предложил тому составить подстрочник. Намерение Н. А. Некрасова не осуществилось, зато в руководимом им журнале «Современник» неоднократно печатались переводы Р. Бёрнса, сделанные другими авторами.

В последующие десятилетия Р. Бёрнса переводили интенсивнее. Однако интенсивно – не значит качественно. Кроме того, переводчики (В. Д. Костомаров, Д. Е. Мин, О. Н. Чюмина и др.) относились к Р. Бёрнсу избирательно, полагаясь на свою идеологическую программу: что-то брали, а что-то сознательно выводили за скобки; скажем, Р. Бёрнс как любовный поэт их мало привлекал. Вместе с тем благодаря переводческим и литературно-критическим усилиям появились бёрнсовские лирические сборники. Они распространялись в разных читательских кругах, в том числе и в популярной серии «Дешевая библиотека».

Разумеется, в раннесоветские времена Р. Бёрнс, «сын батрака», не мог не быть на слуху. Прежние переводы пересматривались, возник «государственный заказ» на новое осмысление великого шотландца. В 1920–1930-е гг. к Р. Бёрнсу обращались Э. Г. Багрицкий (см.: [Бёрнс, 1956]) и Т. А. Щепкина-Куперник. Последняя сумела издать целую книжку избранной поэзии Р. Бёрнса; до нее в подобном объеме Р. Бёрнса никто не переводил и не публиковал (см.: [Орлов, 1974]). Критика тех лет была на удивление взвешенной; перечислялись не только положительные аспекты, но и отрицательные, о них говорили прямо, без обиняков (аналогичную тенденцию мы наблюдаем в толстых литературных журналах на татарском языке той же эпохи). Неплохим образцом рецензии на переводы из Р. Бёрнса могла бы служить статья В. Александрова [Александров, 1936]; если исключить из нее фразы о «надви-

гающемся капитализме» и «обезземеливании крестьянства», то текст выглядит достойно, с незатейливым анализом художественных средств.

Бесспорным достижением советской школы литературного мастерства были переводы, выполненные С. Я. Маршаком. В определенном смысле эти имена срослись: русского Р. Бёрнса мы читаем и транскрибируем по С. Я. Маршаку, как будто бы других переводов не было, хотя С. Я. Маршак изобразил не того Р. Бёрнса; он его излишне политизировал, идя на поводу цензуры, сгладил, сделал прозрачным. Р. Бёрнс был членом тайного масонского общества, это хорошо известный факт; но из переводов подобная мысль никак не вытекает. Тем не менее, нельзя не признать правоту А. Т. Твардовского, художника с глубоким стилистическим чутьем, сказавшего о С. Я. Маршаке: «Он сделал Бёрнса русским, оставив его шотландцем» [Твардовский, с. 228]. Удачную стратегию С. Я. Маршака читатель может оценить и теперь, несмотря на попытку некоторых исследователей радикально пересмотреть маршаковское переводческое наследие². Следует учесть, что через русские пере-

воды С. Я. Маршака многие народы бывшего СССР приобщались к Р. Бёрнсу, его творческому слову [Орлов, 1972]; были и прямые переводы с английского [Инковский, 1964].

История татарских переводов из Р. Бёрнса, увы, не написана. Не составлен полный каталог переводов его лирики. Нам удалось собрать лишь некоторые, да и то – мы опирались на одно-единственное периодическое издание «Совет эдэбияты»: [Роберт Бёрнс шигырьлэре, 1939], [Бёрнс, 1946], [Бёрнс, 1956], [Бёрнс, 1959]. Остается много вопросов. Так, не будет ошибкой сказать, что типологически Р. Бёрнс был близок Г. Тукаю; их роднит схожесть демократических настроений, к тому же Р. Бёрнс – «пахарь», человек сельской глубинки с трудной судьбой, ценитель и собиратель местного фольклора. Странно, что Г. Тукай его не знал и не переводил, перелагая А. Кольцова, имея представление о русских поэтах 1860-х годов... Естественно, другие татарские поэты начала XX века могли бы в Р. Бёрнсе признать «своего». Разве трогательные бёрнсовские пассажи об осени или зиме, тяготах крестьянской жизни, о лучших «парнях на деревне» не могли показаться им не заслуживающими внимания? Не будем категоричны, проблема остается открытой и требует более детализованной источниковедческой работы. Пока же станем исходить из наличного, имеющегося материала, а он указывает на то, что Р. Бёрнса впервые перевели на татарский язык в советское время.

В 1939 году в журнале «Совет эдэбияты» латинским шрифтом публиковались переводы Максуда Сундекле – «Лучший парень» ('Яхшы егет'), «В горах мое сердце» ('Минем йөрәгем тауларда'), «Робин» ('Робин') [Роберт Бёрнс шигырьлэре, 1939]. Сличение текстов показывает, что перевод был сделан с маршаковских копий, и сложно сказать, лежал ли под рукой у М. Сундекле английский оригинал. Дело в том, что в татарских газетах и журналах (и «дооктябрьского», и «послеоктябрьского» периодов) существовала, с исключениями из правила, «традиция» неупоминания, с какого конкретно языка производился перевод; писали просто: либо «тәржемә» ('перевод'), либо «татарлаштыру» ('отатаривание'). Вероятно, источникам переводов не придавалось решающего значения, никто не хотел думать о том, какой невыносимой головной болью отзовется эта «привычка» избегать специальных пояснений перед позднейшими исследователями темы. Принципиальным было

² Одна иллюстрация к тезису. Ю. В. Князев, современный переводчик лирики Р. Бёрнса, дал свою переводную версию стихотворения «The bonie lass made the bed to me». Название он перевел точно: «Девушка, которая стелила мне постель» [Роберт Бёрнс, 2008, с. 250], у С. Я. Маршака иначе: «Ночлег в пути» [Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака, 1950, с. 86]. Форму он тоже передал без погрешностей, ср. I строфу: «Когда январский злобный шквал / И мрак настиг меня в пути, / На север хмуро я шагал, / Не зная, где приют найти» [Бёрнс, 2008, с. 250], у С. Я. Маршака получилась мягче и лиричнее: «Меня в горах застигла тьма, / Январский ветер, колкий снег. / Закрылись наглухо дома, / И я не мог найти ночлег» [Роберт Бёрнс в переводах..., 1950, с. 86]. Если соотнести эти переводы до конца, то выяснится, что Ю. В. Князев, воссоздавая мир Р. Бёрнса, придерживается буквы подлинника, и с точки зрения утонченного читателя текст выходит **несколько** «грубоватым», теряется нежность эротического момента. У С. Я. Маршака, напротив, буква преодолена, все силы направлены на отражение духа, пусть и не совсем бёрнсовского; эротизм у него реализован в намеках, психологически это выглядит убедительно. Если у Ю. В. Князева героиня сурова, то у С. Я. Маршака беззащитна, ср. у первого: ««Без рук!» – она была строга, – / И не глупить, я вас молю!» [Бёрнс, 2008, с. 251], у второго: «Коль есть у вас ко мне любовь, / Оставьте девушкой меня!» [Роберт Бёрнс в переводах..., 1950, с. 87]. Не потеряли значения слова Е. С. Белашовой о переводах С. Я. Маршака: «На первый взгляд кажется, что Маршак допускает большие вольности в обращении с оригиналом. Его переводы лишены буквальной близости к подлиннику, но и отличаются ... поэтической верностью. Они

близки к подлиннику не отдельными словами, а своей красотой ... движением стиха» [Белашова, с. 72].

другое: звучит ли перевод по-татарски? можно ли его читать без ущерба для законов литературной татарской речи? «комфортен» ли он подписчикам журнала?

В 1946 году там же печатается «Джон Ячменное Зерно» ('Джон – Арпа Орлыгы') в переводе Кави Наджми [Роберт Бёрнс, 1946]. Переводу было предпослано краткое вступительное слово, где объяснялось, в частности, что текст был подготовлен в связи с годовщиной смерти шотландского поэта. Как мантра, повторялась стандартная биографическая справка с акцентом на социальном происхождении Р. Бёрнса («Ул гади фермер семьясында туып, кече яшьтән үк сука сукалап, иген игеп үсә» – «Родившись в семье простого фермера, он с молодых ногтей пахал землю и выращивал пшеницу») и на ту духовную поддержку, которую он оказывал французской революции 1789 года («Франциядә революция башлангач, Бёрнс революциягә дәртле жырларын багышлый һәм үзенең дуслары арасында ялкынлы политик жырлар белән тостлар күтәрелә» – «Когда началась революция во Франции, Бёрнс посвятил ей возвышенные песни и сам в кругу друзей произносил в ее честь тосты, распевая пламенные политические куплеты»³).

В 1956 году тот же журнал опубликовал вольный перевод Зыя Мансура из Р. Бёрнса «Шәп яшибез, карчык» ('Славно живем, старуха') [Мансур, с 118]. Оригинальное название текста – «Счастливый вдовец» («The Joyful Widower»). Вот наш собственный перевод этого стихотворения:

Счастье вдовца

I married with a scolding Жёну привел к себе я в
wife дом
The fourteenth of November: (Будь проклят день
осенний!)

³ Когда татарский советский автор писал о пьяных застольях Р. Бёрнса, он пытался найти живую ноту в каноническом жизнеописании, не более того. В наше время это кажется забавным. Страсть к хмельным напиткам у Р. Бёрнса имелаась. Биографы рассказывают, что когда он устроился на должность акцизного чиновника и посещал, как полагается, с проверкой порты и другие места Дафрiza, то бывали случаи его полной неспособности возвращаться домой, к жене и детям, на собственных ногах. Повод для веселого застолья всегда найдется, особенно у шотландцев, которые, в согласии с вековыми обычаями, полагали, что в первую брачную ночь молодоженам непременно нужно ложиться в мертвецки пьяном виде [Бёрнс, 2000, с.13], иначе жизнь не задается. Для пьющего человека политика – еще один повод провести день в прекрасном расположении духа!

She made me weary of
my life
By one unruly member.

Long did I bear the
heavy yoke,
And many griefs attend-
ed,

But to my comfort be it
spoke,
Now, now her life is
ended!

We liv'd full one-and-
twenty years
A man and wife togeth-
er.

At length from me her
course she steer'd
And gone I know not
whither.

Would I could guess, I
do profess:
I speak, and do not flat-
ter,

Of all the women in the
world,
I never would come at
her!

Her body is bestowed
well –
A handsome grave does
hide her.

But sure her soul is not
in Hell –
The Deil would ne'er
abide her!

I rather think she is aloft
And imitating thunder,

For why? – Methinks I
hear her voice
Tearing the clouds asun-
der!

Перевод З. Мансура любопытен тем, что он конспективный; состоит из 4 строк и емко отражает содержание 6 строф подлинника: Синең белән, карчык, Шәп яшибез. Сизә булып инде халыкта. Ә шулай да, син оймакка керсән, Алла мине кертсен тамукка...

И горько сетовал по-
том,
Что жизнь прошла в
мученьях!

Терпел я скверный
нрав жены,
И сердцу было больно,

Но вот сбылись мои
мечты:
Она скончалась скром-
но!

Я двадцать долгих лет
с ней жил,
Нам вместе стало тес-
но.

Ушла душа в загроб-
ный мир
Дорогой неизвестной.

Узнать теперь хотел бы
я,
Где мир тот располо-
жен,

Чтоб там с женой не
встретиться,
Из женщин – самой
сложной.

Супругу я земле пре-
дал
С молитвою привыч-
ной,

Но черт покинуть при-
казал
Ей Ад зловещий лично.

Мне кажется, она в
Раю,
На небе, в Царстве
Божьем:

В раскатах грома уз-
наю
Я часто голос схожий!

любопытен тем, что он состоит из 4 строк и емко отражает содержание 6 строф подлинника: Славно живем мы с тобой, старуха. Да узнает об этом народ. Только, ежели в рай попадешь ты, Пусть Всевышний мне ад сделает домом... (пер. мой – Р. Б.)

С одной стороны, перед нами – шутливая поэтическая вариация. С другой – типичный образчик конспекта, в основе которого лежит представление об «ускоренном развитии», когда национальная литература в предельно сжатый срок проходит этапы, на которые в других, более спокойных, обстоятельствах понадобились бы годы и века. Этот случай не уникальный. В начале XIX века сходную ситуацию воспроизводил А. С. Пушкин, когда пытался убыстренно вообрать опыт западноевропейской словесности. Что такое «Капитанская дочка», если не своеобразная адаптация (а значит, перевод) на русской почве исторического романа В. Скотта? Если простой английский роман – растянутая по времени традиция, то пушкинский – его умная выборка, технологически грамотная переработка, с отсечением повторов и излишеств.

В 1959 году З. Мансур к 200-летию юбилею Р. Бёрнса перевел несколько произведений поэта: «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом» («Оясы минем сабаным тарафыннан туздырылган кыр тычканына»), «Художнику» («Рэссамга»), «Честная бедность» («Намуслы фэкыйрьлек») [Роберт Бёрнс, 1959]. В основе переводов – вновь С. Я. Маршак. Подборка сопровождалась заметкой о биографии и творчестве Р. Бёрнса. Из особенностей поэтики пристальный интерес вызывает то, как русский и татарский переводчики объясняли на родных языках английское «for a' that, an' a' that» [Роберт Бёрнс, 2011, с. 246]. Нет сомнений в том, что это «пробный камень для всех переводчиков» шотландского лирика [Инковский, с. 226]. С. Я. Маршак нашел легкие, как воздух, и подетски ритмичные формулы – «при всем при том» и «и все такое прочее». З. Мансур к ритмичности добавил глухую шипящую звукопись – «шунда да шулай да», и вместе с оборотом «һәм башкалар һәм башкалар» игра в канцеляризмы получилась выразительной; ср. для сопоставления в белорусском языке, у Я. Семежона: «прикінем так, прикінем сяк, і усё таму падобнае».

В итоге, сравнительный разбор русских и татарских переводов Р. Бёрнса должен был продемонстрировать то, что между ними существует асимметрия. Русских переводов в количественном плане больше, и они разнообразны по видам стратегий. Татарские – более унифицированы. Не нужно делать отсюда далеко идущие выводы. Развитие любой национальной системы происходит по внутренней логике. Измерять ее содержание и структуру матрицами другого культурного сознания не всегда продуктивно, что не ис-

ключает наличия типологически общих моделей в актах рецепции чужого слова.

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РФНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 16-14-16027

Список литературы

- Александров В.* Роберт Бёрнс // Литературное обозрение. 1936. № 19. С. 24–27.
- Бахтин М.* Лермонтов и Роберт Бёрнс (историко-литературная заметка) // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 149–151.
- Белаишова Е. С.* Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака // Ученые записки Черновицкого государственного университета. 1958. Т. XXX. Вып. 6. С. 69–108.
- Бёрнс Р.* Джон Ячменное Зерно / пер. Э. Г. Багрицкого // Багрицкий Э. Г. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 59–61.
- Бёрнс Р.* Стихотворения / сост. И. М. Левидова. М.: Радуга, 1982. 705 с.
- Бёрнс Р.* Видение: поэмы, послания, эпиграммы, песни, баллады / пер. с англ. М.: ООО Изд. дом «Летопись», 2000. 412 с.
- Елистратова А. А.* Роберт Бёрнс: критико-биографический очерк. М.: ГИХЛ, 1957. 160 с.
- Инковский М.* Вторая родина Бёрнса расширяет границы // Дружба народов. 1964. № 6. С. 225–230.
- Орлов С. А.* Бёрнс в русских переводах // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1939. Т. XXVI. С. 225–255.
- Орлов С. А.* На языках народов нашей страны (Бёрнс. «Джон Андерсон») // Литературные связи и традиции: межвузовский сборник. Вып. 3. Горький: Изд-во ГГУ, 1972. С. 99–112.
- Орлов С. А. Т. Л. Щепкина-Куперник – переводчица Бёрнса // Литературные связи и традиции: межвузовский сборник. Вып. 5. Горький: Изд-во ГГУ, 1974. С. 110–128.*
- Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака. М.: ГИХЛ, 1950. 232 с.
- Роберт Бёрнс.* В горах мое сердце: стихотворения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 352 с.
- Роберт Бёрнс.* Стихотворения / пер. Ю.В. Князева. М.: Профиздат, 2008. 288 с.
- Твардовский А. Т.* Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака // Новый мир. 1952. № 4. С. 225–229.
- Щербенек А.* Деконструкция и классическая русская литература: от риторики текста к риторике истории. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 232 с.
- Мансур З.* Шәп яшибез, карчык (Р. Бёрнстан) // Совет әдәбияты. 1956. № 12. Б. 118.
- Роберт Бёрнс шигърьләре / ингл. тәрж. // Совет әдәбияты. 1939. № 10–11. Б. 132–133.
- Роберт Бёрнс.* Джон – Арпа Орлыгы / тәрж. К. Нажми // Совет әдәбияты. 1946. № 7–8. Б. 85.
- Роберт Бёрнс.* Шигърьләре / ингл. тәрж. // Совет әдәбияты. 1959. № 1. Б. 43–45.

References

- Aleksandrov, V. (1936). *Robert Burns* [Robert Burns]. *Literaturnoe obozrenie*, 1936, No.19, pp. 24–27. (In Russian)
- Bakhtin, M. (1908). *Lermontov i Robert Burns (istoriko-literaturnaja zametka)* [Lermontov and Robert Burns (a historical and literary note)]. *Minuvshie gody*, No. 9, pp. 149–151. (In Russian)
- Belashova, E. S. (1958). *Robert Burns v perevodakh Marshaka* [Robert Burns in Marshak's Translations]. *Uchenye zapiski Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta*, T. XXX, Vyp. 6, pp. 69–108. (In Russian)
- Burns, R. (1956). *Dzhon Jachnennoje Zerno* [John Barclaycorn]. / per. E. G. Bagritskogo. Bagritskij E. G. *Stikhotvoreniya*, pp. 59–61. Leningrad, Sovetskij pisatel. (In Russian)
- Burns, R. (1982). *Stikhotvoreniia* [Poems]. / sost. I. M. Levidova. 705 p. Moscow, Raduga. (In English and Russian)
- Burns, R. (2000). *Videnie: poemy, poslaniia, epigrammy, pesni, ballady* [Vision: Poems, Letters, Epigrams, Songs, and Ballads]. / per. s angl. 412 p. Moscow, OOO Izd. dom «Letopis'». (In Russian)
- Elisratova, A. A. (1957). *Robert Burns: kritiko-biograficheskij ocherk* [Robert Burns: A Critical-Biographical Sketch]. 160 p. Moscow, GIKHL. (In Russian)
- Inkovskij, M. (1964). *Vtoraia rodina Burnsa rasshiriaet granitsy* [The Second Homeland of Burns is Expanding the Boundaries]. *Druzhba narodov*, 1964, No. 6, pp. 225–230. (In Russian)
- Mansur, Z. (1956). *Shap iashibez, karchyk (R. Burnstan)* [Good Living, Old Women (from Burns)]. *Sovet adabiiaty*, 1956, No. 12, p. 118. (In Tatar)
- Orlov, S. A. (1939). *Burns v russkikh perevodakh* [Burns in Russian Translations]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta*. 1939, T. XXVI, pp. 225–255. (In Russian)
- Orlov, S. A. (1972). *Na iazykakh narodov nashej strany Burns. «John Anderson»* [In the Languages of the Peoples of Our Country (Burns. “John Anderson”)]. *Literaturnye sviazi i traditsii: mezhvuzovskij sbornik*. Vyp. 3, pp. 99–112. Gorky, Izd-vo GGU. (In Russian)
- Orlov, S. A. (1974). *T. L. Tsherkina-Kupernik – perevodchitsa Burnsa* [T. L. Tsherkina-Kupernik, Translator of Burns]. *Literaturnye sviazi i traditsii: mezhvuzovskij sbornik*. Vyp. 5, pp. 110–128. Gorky, Izd-vo GGU (In Russian)
- Robert Burns v perevodakh S. Marshaka* (1950) [Robert Burns in Marshak's Translations]. 232 p. Moscow, GIKHL. (In Russian)
- Robert Burns. (2011). *V gorakh moe serdtse* [My Heart's in the Highlands]. 352 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In English and Russian)
- Robert Burns. (2008). *Stikhotvoreniia* [Poems]. / per. Ju.V. Kniazeva. 288 p. Moscow, Profizdat. (In Russian)
- Robert Burns shigyrlare*. (1939). [Poems by Robert Burns]. / ingl. tärzh. *Sovet adabiiaty*, 1939, No. 10–11, pp. 132–133. (In Tatar)
- Robert Burns. (1946). *Dzhon Arpa Orlygy* [John Barclaycorn]. / tärzh. K. Nadzhmi. *Sovet adabiiaty*, 1946, No. 7–8, p. 85. (In Tatar)
- Robert Burns. (1959). *Shigyrlar* [Poems]. / ingl. tärzh. *Sovet adabiiaty*, 1959, No. 1, pp. 43–45. (In Tatar)
- Tcherbenek, A. (2005). *Deonstruktciia i russkaia klassicheskaia literatura* [Deconstruction and Russian Classical Literature]. 232 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Tvardovskij, A. T. (1952). *Robert Burns v perevodakh S. Marshaka* [Robert Burns in Marshak's Translations]. *Novyj mir*, No. 4, pp. 225–229. (In Russian)

The article was submitted on 15.09.2016

Поступила в редакцию 15.09.2016

Бекметов Ринат Ферганович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru